

Проводив императорского врача Фэна, Цзян Шэнь вернулся в комнату.

Ли Жуань всё ещё крепко спал, и без Цзян Шэня рядом он снова сжался в плотный комочек, становясь ещё меньше.

Так он привык спать, когда был лисом — но после слов врача Фэна этот жест в глазах Цзян Шэня превратился в проявление чувства незащищённости.

И стало больнее смотреть.

Цзян Шэнь подошёл к кушетке, наклонился и снова взял юношу в объятия.

— Что произошло между нами?.. — тихо сказал он, проводя рукой по худой спине мальчика и тяжело вздыхая.

На самом деле ещё до появления юноши Цзян Шэнь уже догадался, что потерянные воспоминания связаны именно с кем-то.

Ведь всё, что касалось столицы, он помнил совершенно ясно.

А вот то время, когда он жил не в столице — стерлось почти полностью: ни где жил, ни с кем был, ни что происходило.

Если бы это была обычная амнезия, не может быть так, что забыты только отдельные люди, а не события.

Значит, он забыл не события, а человека.

Найденный при нём нефритовый кулон лишь подтвердил догадку.

Кто-то спас его, вылечил, заботился о нём, вероятно, провёл с ним много времени.

Но, вернувшись в столицу, он забыл самого важного человека.

А если так, то это выглядит слишком невероятно.

Такой выборочный провал памяти не мог быть вызван ни ранением, ни случайностью.

К тому же императорский врач осматривал его давно — следов ранения не осталось, а тело полностью здорово.

Значит... его тоже чем-то потрясли?

Или... это было сделано намеренно.

Глаза Цзян Шэня потемнели.

Он знал, что в мире существуют разные тайные искусства — южное колдовство, западная алхимия.

Вполне возможно, что одно из таких заклинаний могло вызвать его состояние.

Но если всё действительно сделано вручную — если кто-то намеренно стёр его память и...

Цзян Шэнь крепче прижал к себе юношу.

И заставил его так мучиться, и довёл до нервного расстройства...

Такого человека он точно заставит заплатить.

Он долго был погружён в мысли, пока мальчик в его руках снова не пошевелился, возвращая его к реальности.

Он выдохнул, поднялся с кушетки и понёс юношу в спальню.

Небольшая кушетка снаружи нужна лишь для короткого отдыха, а в спальне стояла кровать пошире.

Цзян Шэнь уложил юношу, хотел было подняться, но тот перевернулся и железной хваткой схватил его за рукав.

Цзян Шэнь: —...

Юноша выглядел худым и хрупким, но почему-то держал рукав так крепко, что Цзян Шэнь, сколько ни пробовал, не мог его освободить.

Он постоял, задумавшись, и вспомнил наставления врача Фэна.

«Юношеская истерия — болезнь сердца. Лекарства нет, есть только лекарство душевное».

Если болезнь вызвана страхом, что Цзян Шэнь уйдёт — то нужно устранить страх.

Иными словами — дать ему то, чего он хочет.

Спать вместе с юношей, которого он едва знает, было, конечно, нарушением всякой этики.

Но если это ради лечения... то в этом нет ничего дурного.

Подумав так, Цзян Шэнь придвинул юношу ближе к стене и сам лёг рядом.

Те предки, которые строили этот родовой храм, похоже, верили, что только суровые условия показывают искренность.

Поэтому обстановка тут была крайне простой, и кровать была всего лишь узкой односпальной.

Двум взрослым мужчинам на ней было тесно.

Ночь давно опустилась.

Цзян Шэнь плохо спал прошлой ночью, а сегодня пришлось пройти через столько событий — он устал и слегка клевал носом.

Но почти всё место занимал юноша, и лёжа на краю кровати, он в любой момент мог скатиться на пол.

Это было совсем неудобно.

Он словно почувствовал, что Цзян Шэнь лёг рядом: юноша внезапно начал медленно придвигаться к нему, будто хотел подобраться ещё ближе.

Ласковый, цепляющийся, как маленький щенок.

Цзян Шэнь опустил взгляд на лицо мальчика, находившееся совсем рядом, немного подумал и слегка раскрыл объятия.

Юноша, ничего не осознавая, сразу же нырнул к нему на грудь.

И на кровати наконец перестало быть тесно.

Их позы совпали так естественно, будто они спали так тысячи раз.

Цзян Шэнь прижал мягкое тело ближе, придвинул его к себе, обнял за шею — и удовлетворённо закрыл глаза.

Он и сам не заметил, насколько ловким и естественным было это движение.

В памяти Цзян Шэня это была первая ночь, когда он спал с кем-то в одной постели, тем более — с человеком, которого только что встретил.

Он думал, что будет непривычно, но едва улёгшись с юношей в руках, почти сразу провалился в сон.

И спал даже спокойнее обычного.

На следующий день Цзян Шэнь, что было несвойственно ему, проспал дольше обычного. Его разбудил яркий солнечный свет.

Проснувшись, он ещё не совсем пришёл в себя и машинально потянулся рукой в сторону.

Юноша всё ещё лежал у него на руках.

Хотя обычно спать, прижавшись к кому-то, бывает неудобно, этот мальчик был лёгким и мягким — обнимать его было куда приятнее, чем подушки, которые шили для принца придворные служанки.

Цзян Шэнь никак не мог понять, почему тело юноши было таким мягким, хотя на вид он был худым и без единого лишнего грамма.

Одежду на нём он менял сам прошлой ночью.

Сквозь тонкую ткань можно было отчётливо ощущать мягкую, нежную кожу.

Цзян Шэнь провёл рукой ниже по плечу — и вдруг наткнулся на что-то другое.

Тоже мягкое.

Тёплое.

Горячее.

Как будто покрытое пушком.

И даже чуть щекочущее, когда касалось тыльной стороны ладони.

Полусонный Цзян Шэнь не открыл глаз — он не подумал, что это может быть.

Он провёл дальше, сжал, помял пальцами... и вскоре нащупал основание.

Тело в его руках резко вздрогнуло — и юноша вырвался из объятий.

Цзян Шэнь, всё ещё в сонной дымке, открыл глаза — и встретился взглядом с влажными, блестящими, возмущёнными глазами.

Мягкое ощущение всё ещё оставалось в ладони.

Он шевельнул пальцами и спросил рассеянно:

— Что случилось?

С покрасневшими глазами Ли Жуань сердито сказал:

— Ты лапал меня!

Цзян Шэнь мгновенно проснулся.

До него дошло, что он только что сделал.

Он резко сел, уши пылали:

— П-п-прости! Я не нарочно...

Ли Жуань прижался спиной к стене, спрятав руки за спину, и смотрел на него с укором.

— Ты... не сердись, — поспешно заговорил Цзян Шэнь, понимая, что виноват. — Я правда не хотел. Я же толком не помню, кто ты...

Когда мозг окончательно прояснился, Цзян Шэнь вспомнил странное ощущение под пальцами.

Мягкое, тёплое, пушистое...

Это совсем не было похоже на человеческое тело.

Скорее на... хвост.

Цзян Шэнь осторожно посмотрел за спину Ли Жуаня — там, конечно же, ничего не было.

Но он не ошибся. Это действительно был хвост.

Просто Ли Жуань вчера израсходовал слишком много сил, почти не получил эссенции — и во сне случайно выдал себя.

Его чуть не разоблачили.

Ли Жуань одновременно испытывал и облегчение, и обиду.

Конечно, он не был против того, чтобы Цзян Шэнь его трогал — наоборот, мечтал, чтобы тот прикасался к нему больше.

Но... почему трогать именно там?!

Основание хвоста — самое чувствительное место у лисов.

Когда Цзян Шэнь, не понимая, что делает, именно туда надавил, Ли Жуань едва не расплакался от чувствительности.

Да ещё Цзян Шэнь не хочет двойное культивирование...

А трогает самые интимные места — это уже слишком!

Увидев, что юноша действительно обижен, Цзян Шэнь сдержал вопросы, которые горели у него в груди, и не стал ничего уточнять.

Он только мягко спросил:

— Ты... тебе лучше?

— Уже намного лучше, — Ли Жуань замолчал на мгновение, затем тихо добавил: — Я просто... немного голоден.

Цзян Шэнь только и ждал предложения, чтобы ускользнуть от неловкости, поэтому поспешно сказал:

— Хорошо, я велю приготовить завтрак.

Сказав это, он накиннул на себя одежду и вышел наружу.

Когда Цзян Шэнь покинул комнату, Ли Жуань убрал руки от спины.

Позади него торчал ярко-красный хвост.

Шерсть на нём вздыбилась — и хвост казался вдвое больше обычного.

— Больше не смей высовываться! — сердито прошипел Ли Жуань. — Что, если я его напугаю до смерти?

Кончик хвоста поник и тихонько хлопнул по кровати.

Ли Жуань быстро произнёс заклинание и вновь спрятал хвост.

Из-за событий прошлой ночи Цзян Шэнь не стал отзывать стражу от родового храма. Он вышел, приказал приготовить еду, и когда вернулся, юноша уже сидел возле кушетки.

Прошлой ночью всё было слишком спешно, и скрывать присутствие юноши было крайне важно, поэтому Цзян Шэнь не мог подыскать для него другую одежду.

Поэтому сейчас на нём были вещи самого Цзян Шэня.

Фигура Ли Жуаня была заметно мельче, и одежда висела на нём мешком: плечи опали, длинные рукава полностью закрывали руки. Ниже из широких штанин выглядывали бледные, словно из яшмы, ступни. Без обуви, пальцы едва касались пола, лениво покачиваясь.

Цзян Шэнь остановился на секунду, почувствовав, как пересохло в горле.

Он отвёл взгляд и подошёл ближе:

— У тебя... у тебя нет другой одежды?

Ли Жуань непонимающе моргнул:

— Какая одежда?

— Вещи, — пояснил Цзян Шэнь. — Ты вчера вымок, и я отправил твою одежду стирать. Но ты не можешь все эти дни ходить в моей.

Ли Жуань тихо сказал:

— У меня... только одна была.

На самом деле, сменить облик и создать себе другую одежду ему не составляло труда, но вчера он потратил столько сил, что едва смог скрыть хвост, и теперь собирался несколько дней не использовать магию.

К тому же, если бы Цзян Шэнь увидел, как он куда-то вдруг надевает новые вещи — тайна природы тут же раскрылась бы.

Цзян Шэнь вспомнил, что юноша пришёл к нему тогда без единой вещи.

Он не мог понять: родовой храм находится за сотни ли от столицы — как он сюда добрался без еды, без одежды, без багажа?

Сколько он успел натерпеться?

От этой мысли сердце Цзян Шэня снова смягчилось.

Он протянул руку, погладил юношу по волосам и мягко сказал:

— Ничего страшного. Когда вернёмся в столицу, я велю сшить тебе несколько комплектов одежды.

Ли Жуань промолчал, но не удержался от того, чтобы бросить на него быстрый взгляд снизу вверх.

Цзян Шэнь спросил:

— Что ты хотел сказать?

— Просто... — Ли Жуань чуть придвинулся к нему. — Ты сейчас как будто другой. Раньше ты не подпускал меня близко. А вчера — сам спал, обняв меня.

Если бы его магические силы полностью восстановились, он бы уже давно снова пил эссенцию Цзян Шэня — после такой ночи тому пришлось бы пить тонизирующие лекарства.

— Разве это плохо? — спокойно ответил Цзян Шэнь. — Ты ведь прошёл весь путь, чтобы найти меня. Разве не этого хотел — чтобы я относился к тебе лучше?

Он не стал говорить то, что рассказал вчера врач Фэн.

Психическое расстройство — вещь серьёзная.

Цзян Шэнь прекрасно помнил, как в детстве у его третьего дяди, принца Су — того самого, что подарил ему кинжал и всегда относился к нему с добротой — началась истерия.

Тогда нынешний император ещё не взошёл на трон, и принц Су жил в столице.

Вдруг, по неизвестной причине, он впал в помрачение, перестал узнавать людей, бесновался.

Позднее его отправили в удел, на лечение — и там он постепенно поправился.

И именно поэтому принц Су стал единственным оставшимся в живых принцем.

Остальных принцев Второй принц устранил разными способами во время борьбы за трон.

По сравнению с той истерией, что была у принца Су, юноша сейчас полностью в сознании и ведёт себя нормально — значит, его состояние нельзя назвать серьёзным.

Раз принц Су смог постепенно восстановиться с помощью уединения и успокоения духа, то и этот мальчик должен суметь.

Главное — не тревожить его лишней раз.

К такому выводу Цзян Шэнь пришёл после обсуждения с императорским врачом Фэном прошлой ночью.

Ли Жуань не знал о столь благих намерениях Цзян Шэня — но раз тот не отталкивал его и позволял быть ближе, то это было для Ли Жуаня самым лучшим.

Он придвинулся ещё ближе, взглянул снизу вверх и тихо спросил:

— Тогда... можешь поцеловать меня сейчас?

Цзян Шэнь замер.

Ли Жуань потянул его за рукав и мягко, умоляюще сказал:

— Поцелуй меня. Ты так давно меня не целовал.

— Ты... — голос Цзян Шэня охрип. — Ты действительно этого хочешь?

Ли Жуань серьёзно кивнул:

— Да. Очень хочу.

И правда — ему срочно требовалась энергия. Иначе хвост он долго не сможет прятать.

Цзян Шэнь сглотнул.

Хотя, по словам юноши, они давно были близки, сам Цзян Шэнь ничего не помнил.

В его сознании Ли Жуань — человек, которого он встретил лишь недавно.

По правилам приличия он не должен был слишком сближаться...

Но...

Это же для лечения, верно?

Ради лечения можно и уступить.

Да?

Цзян Шэнь наклонился.

Юноша сидел на кушетке, подняв к нему лицо.

Одежда на нём была надета кое-как, пояс просто завязан узлом, ворот слегка распахнут — видно нежную, белую кожу.

Глаза сияли неподдельной улыбкой, и когда Цзян Шэнь наклонился ближе, тот ловко положил ладонь ему на плечо.

Расстояние быстро сокращалось.

Дыхание Цзян Шэня стало неровным.

И вдруг — в дверь постучали:

— Ваше Высочество, завтрак готов.

Тело Цзян Шэня напряглось. Он даже не успел отпрянуть, как юноша резко потянулся вперёд и поцеловал его в губы.

Поцелуй был лёгким, почти мимолётным.

Но Цзян Шэнь отчётливо почувствовал мягкий, влажный кончик языка, скользнувший по его губам.

Ли Жуань отпрянул, облизнул губы и вежливо сказал:

— Спасибо.

Цзян Шэнь едва не перестал дышать.

Это всё?

Он даже... толком ничего не почувствовал.

Конечно, он не мог злиться на Ли Жуаня. Но ярость на того, кто прервал момент, была направлена целиком наружу.

Когда Юй Сю вошёл с завтраком и увидел Его Высочество с совершенно непроницаемым, но при этом ужасно мрачным выражением лица, у него дрогнула рука — и он едва не уронил поднос.

Прошлой ночью Цзян Шэнь заходил в тёплый павильон один и позже звал врача Фэна — внутрь никто кроме них не входил.

Поэтому существование Ли Жуаня всё ещё держалось в секрете.

Только Юй Сю знал, кто скрывается рядом с Цзян Шэнем.

И сейчас только он имел право приносить еду в тёплый павильон.

Бедный командир Юй, не представляя, что происходило до этого, растерянно поставил на стол завтрак для двоих под тяжёлым взглядом принца, который будто хотел его сожрать.

Установив всё, он не спешил уходить.

Цзян Шэнь раздражённо спросил:

— Что-то ещё?

— Да, — Юй Сю замялся. — По поводу вчерашнего покушения...

Цзян Шэнь сжал переносицу.

Точно.

Он подавил недовольство, сел на край кушетки и спросил:

— Что там?

Ли Жуань бросил на него тайный взгляд.

После вчерашнего сильного заклинания он был очень голоден, но всегда ждал, чтобы поесть вместе с Цзян Шэнем.

Увидев, что тот занялся делами, Ли Жуань лишь тихо терпел, играя палочками, сдерживая голод.

Юй Сю сделал вид, что ничего странного не заметил, и ответил:

— Сегодня утром я доложил сопровождающим чиновникам о произошедшем прошлой ночью. Весть, вероятно, скоро дойдёт до столицы. Но согласно приказу Его Высочества, пойманный вчера вор пока что заперт в родовом храме, ожидает распоряжений.

Цзян Шэнь кивнул и спросил:

— Тот, кто поджёг храм, очнулся?

После того как дождь потушил пожар прошлой ночью, стража Цзян Шэня нашла поджигателя за задней стеной храма.

Тело было целым, ни царапины — но он лежал без сознания в кустах и никак не мог прийти в себя.

— Он только что проснулся. Желает ли Его Высочество его видеть? — едва Юй Сю сказал это, как в комнате раздался приглушённый звук.

Ли Жуань дрогнул рукой и уронил палочки на стол.

Оба взгляда обратились на него.

Поджигателем прошлой ночью, само собой, был Ли Жуань — он просто оглушил того смертного, потому что не убивает людей.

Но из-за спешки он успел лишь сотворить заклинание дождя и не успел стереть мужчине память.

После заклинания он был полностью истощён и не мог ничего исправить.

Если бы он знал заранее — спрятал бы того подальше!

Ли Жуань мысленно выругался.

Цзян Шэнь, конечно, заметил виноватое выражение юноши, но не стал ничего говорить, лишь холодно приказал:

— Не сегодня. Заприте его.

Юй Сю:

— Есть.

Ли Жуань облегчённо выдохнул.

Юй Сю снова заговорил:

— Кроме того, поджигатель использовал нечто маслянистое. Мы собрали остатки за храмом.

Цзян Шэнь спросил:

— Что это?

— Это не обычное масло, но что именно — подчинённый не смог определить...

Ли Жуань наострил уши.

Ему самому было интересно, что это за мерзость: пахло ужасно, загорелось мгновенно — и если бы его не оказалось там ночью, смертным было бы почти невозможно потушить огонь.

Цзян Шэнь задумался на мгновение, затем сказал:

— Отправьте образцы в Министерство труда. Пусть посмотрят.

Юй Сю изумился:

— Министерство труда? Ваше Высочество подразумевает...

— Несколько лет назад управитель Цинчжоу сообщил, что у побережья из земли выкопали чёрное маслянистое вещество. Горит легко, пламя яростное и почти не тушится, — ровно объяснил Цзян Шэнь. — Святейший приказал мастерам исследовать его. Но его здоровье в последние годы ухудшилось, работа продвигается медленно, и знают о нём немногие.

Юй Сю:

— Его Высочество считает, что это связано с Министерством труда?

— Они исследуют, но это не значит, что только у них есть к нему доступ, — с усмешкой ответил Цзян Шэнь. — Если хочешь выяснить происхождение, быстрее всего начать с главного жреца храма.

Юй Сю поклонился:

— Приступаю к допросу.

Цзян Шэнь велел:

— Уберите стражу от дверей. Как ни крути, я должен продолжать пост и молитвы три дня. Хранить стражу прямо в храме — нарушение ритуала.

— Тогда я велю им держаться у ворот двора, чтобы охранять Его Высочество, — ответил Юй Сю.

Цзян Шэнь кивнул, отпустил его и повернулся к Ли Жуаню.

— Почему не ешь? — голос вновь стал мягким. — Я же сказал тебе начинать.

— Ждал тебя, — спокойно сказал Ли Жуань, протягивая ему палочки.

Юй Сю сегодня принес два комплекта столовых приборов, так что им наконец не пришлось пользоваться одной парой.

Цзян Шэнь взял палочки, но есть не стал — вместо этого посмотрел на юношу и спросил:

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Глаза Ли Жуаня забегали:

— О-о чём ты...?

Цзян Шэнь тихо вздохнул:

— Ну ты... тебе правда пора научиться врать. Даже Юй Сю только что понял, что что-то не так.

Ли Жуань помолчал, затем спросил:

— Я... странно себя веду?

— Очень странно, — Цзян Шэнь не стал ходить вокруг да около и прямо спросил: — Это ты вырубил того, кто поджигал храм?

Если раньше он лишь подозревал, то теперь, видя реакцию юноши, сомнений уже не осталось.

Этот человек действительно совсем не умеет лгать.

Ли Жуань опустил голову и едва слышно ответил:

— ...Да.

— Значит, ты владеешь боевыми искусствами, — продолжил Цзян Шэнь.

Ли Жуань ещё сильнее съёжился:

— Н-немного...

Цзян Шэнь тихо рассмеялся:

— Больше, чем немного.

Стража, которую он привёл, обучалась с детства, а мёртвые солдаты, присланные ночью, были первоклассными убийцами.

Но юноша умудрился дважды бесшумно прорваться через внешнюю охрану, а вчера — оглушить бойца, не оставив ни единой царапины.

Такие навыки... даже элитной дворцовой охране не под силу.

Но Цзян Шэнь не понимал другого:

— Зачем ты скрывал, что умеешь драться?

Ли Жуань тихо фыркнул и честно сказал:

— Я боялся, что ты испугаешься.

Цзян Шэнь: —...

Абсолютно нелогично.

Но если подумать... совсем немного логично.

Если бы в первый день перед ним появился такой сильный боец, он бы и правда не пустил его к себе так просто.

Цзян Шэнь после короткой паузы сказал:

— Когда вернёмся в столицу, продолжай скрывать. Не показывай свои навыки кому попало.

— Почему? — удивился Ли Жуань.

Цзян Шэнь улыбнулся:

— Потому что кое-кто — простодушный маленький дурашка.

Человек с чистым сердцем и высокой силой вызывает у других страх и желание воспользоваться им.

Скрыть силу — значит защитить себя.

— Не начинай снова обзывать меня глупым, — Ли Жуань нахмурился. — Если я чего-то не понимаю, ты можешь объяснить. Но нельзя меня дураком звать. Если много говорить, можно и правда стать глупым.

Цзян Шэнь не понял, откуда у него такие теории, но мягко уступил:

— Хорошо. Тогда я буду хвалить тебя умным. Вдруг ты и правда станешь умнее?

Ли Жуань подумал и очень серьёзно кивнул:

— Попробуй.

Юноша на самом деле не был ни милым, ни наивным внешне — его черты были яркими, выразительными, и если бы он был чуть более холодным, получился бы пугающе прекрасный образ.

Но из-за его простой, открытой манеры он выглядел... глупо-милым.

И невероятно очаровательным.

Цзян Шэнь невольно проникся к нему ещё сильнее.

В столице слишком много хитрецов — встретить такого чистого, простого человека, всё равно что найти кусочек необработанного нефрита среди камней.

Как же не ценить такое сокровище?

Тем более что этот человек так любит его.

Цзян Шэнь вспомнил, как юноша умолял о поцелуе, и как мимолётно коснулся его губ, когда их прервали.

Его сердце болезненно дрогнуло.

— Ладно, — он отвёл взгляд, стараясь говорить спокойно. — Тогда... вернёмся к тому, что мы не успели...

Ли Жуань был слишком голоден.

Он услышал только первую половину фразы, а дальше уже, не дожидаясь, схватил сладкую лепёшку и откусил огромный кусок.

Лишь потом поднял голову:

— Что... не успели?

— Ничего, — после короткой паузы сказал Цзян Шэнь. — Ешь дальше.

Похоже, для этого юноши его поцелуи менее важны, чем сладости.

Цзян Шэнь вздохнул.

Что ж.

Он выдержал всё до конца.

Несмотря на покушение и пожар, он всё равно соблюдал трёхдневный пост и молитву до последнего.

А Ли Жуань провёл с ним в родовом храме все три дня.

Через три дня Его Высочество Наследный принц повёл сопровождающих обратно в Пекин.

Караван был в пути почти целый день, и уже недалеко от столицы в карету стали доноситься громкие голоса людей — вокруг было очень оживлённо.

Ли Жуань приподнял уголок занавески и украдкой выглянул наружу.

— Вау, как много людей! — восхищённо сказал он.

После ухода из родового храма Ли Жуаню больше не нужно было скрываться.

Цзян Шэнь достал для него одежду слуги и велел притворяться телохранителем.

Цзян Шэнь тоже наклонился посмотреть.

Караван ещё не достиг городских ворот, но по обеим сторонам дороги уже стояли ряды горожан, атмосфера была шумной и торжественной.

Цзян Шэнь прикинул и сразу понял причину.

Несколько дней назад слух о поджоге родового храма достиг столицы.

Главный жрец хотел раздуть скандал и подорвать репутацию Цзян Шэня, но внезапный своевременный ливень потушил пожар.

Для людей, верящих в духов и богов, это было знаком небесного благословения.

Так что поджог не только не навредил популярности Цзян Шэня — он даже усилил его славу.

Цзян Шэнь коротко объяснил это Ли Жуаню, и тот удивлённо ахнул:

— Вот оно что!

Он снова прильнул к окну, глядя на толпу, и был так доволен, что если бы не скрывающее заклинание, хвост у него точно вилял бы от счастья.

Как будто он случайно оказал Цзян Шэню огромную помощь.

Очень хорошо.

Что касается столь удачного дождя — даже Цзян Шэнь, который не верил ни в богов, ни в духов, всё ещё ощущал в этом нечто странное.

Но думать о таких вещах бесполезно — он слегка усмехнулся, повернулся, чтобы сесть, и вдруг краем глаза заметил нечто.

Он застыл.

Ему показалось, что за спиной юноши на миг мелькнул ярко-красный пушистый...хвост.

Цзян Шэнь нахмурился, протёр глаза и посмотрел внимательнее.

Пусто. Ничего.

Неужели ему показалось?

Автор говорит:

Маленький лисёнок: Хвост ну никак не хочет прятаться QAQ...

<http://bllate.org/book/14444/1277245>